

Научная статья
УДК 159.923
DOI: 10.20323/1813-145X_2023_6_135_112
EDN: NVGBMG

Обзор концепций вынужденной немобильности в современной зарубежной литературе

Сергей Владимирович Мостиков¹, Ольга Юрьевна Зотова²✉

¹Кандидат психологических наук, доцент факультета социальной психологии, Гуманитарный университет. 620144, г. Екатеринбург, ул. Сурикова, д. 24а

²Доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, доцент, профессор кафедры социальной психологии, Гуманитарный университет. 620144, г. Екатеринбург, ул. Сурикова, д. 24а

¹smostikov@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6058-8462>

²oiambusheva@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-5607-6317>

Аннотация. Психологические исследования миграции традиционно фокусируются на изучении причин переезда и процесса аккультурации, вынося за скобки вопрос «почему, имея желание уехать и высокие шансы на успешную адаптацию, люди выбирают остаться»? Преодолеть недостаточную разработанность темы миграции призваны современные концепции немобильности, активно разрабатываемые за рубежом, но практически полностью отсутствующие в отечественной психологической литературе. Теории немобильности ставят под сомнение привычный для психологии и других социально-гуманитарных наук нарратив об оседлости человека, как изначальной данности. Вместо него предлагается парадигма, свободная от «предназначенности объекта» и включающая в себя в равной степени как мобильность, так и немобильность личности. Доминирующая фокусировка на мигрантах и мобильности видится утрированной по ряду причин: число немобильных всегда больше числа мигрантов; классические представления (Э. Г. Равенштайн и др.) о мобильности в ряде моментов противоречат современным тенденциям и т. д. Несмотря на декларируемую эпоху мультикультурализма и глобализма, доступность мобильности в наше время, в силу бюрократических сложностей, гораздо ниже, чем во времена Э. Г. Равенштайна. Анализируя доминирующий нарратив о мобильности, социальные психологи приходят к выводу, что тип мобильности определяется социальным положением личности: финансово обеспеченные граждане могут себе позволить удаленную работу за рубежом, гражданство в обмен на инвестиции и прочее. В то время как представителям низшего класса, миграция (особенно на большие расстояния или в экономически развитые страны) оказывается не всегда доступна финансово, они чаще выбирают беженство или нелегальную миграцию. Также в рамках концепции немобильности разрабатываются различные теоретические модели, включающие в себя сочетание психологических и социальных факторов. В связи с новизной и оригинальностью данного подхода в настоящее время идет активная разработка новых количественных и качественных методик исследования данной проблематики, где в качестве парадигмальной установки выступает равноудаленность как от мобильности, так и немобильности. Изучение психологических причин и характеристик личности немигрантов позволит выйти за рамки привычной исследовательской колеи и существенно обогатить понимание стоящих перед психологами задач.

Ключевые слова: немобильность; миграция; мобильность; миграционная активность населения; вынужденная немобильность

Для цитирования: Мостиков С. В., Зотова О. Ю. Обзор концепций вынужденной немобильности в современной зарубежной литературе // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 6 (135). С. 112-119. http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2023_6_135_112. <https://elibrary.ru/NVGBMG>

Original article

Theoretical review of the concept of forced immobility in modern foreign literature

Sergei V. Mostikov¹, Olga Yu. Zotova²✉

¹Candidate of psychological sciences, associate professor, department of social psychology, Humanitarian university. 620144, Yekaterinburg, Surikov st., 24a

²Doctor of psychological sciences, corresponding member of RAE, associate professor, professor of department of social psychology, Humanitarian university. 620144, Yekaterinburg, Surikov st., 24a

¹smostikov@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6058-8462>

²oiambusheva@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-5607-6317>

Abstract. Psychological studies of migration traditionally focus on the study of the reasons for moving and the process of acculturation, putting aside the question «why, having a desire to leave and a high chance for successful adaptation, do people choose to stay?» In order to overcome the insufficient development of the topic of migration, researchers call upon concepts of immobility, which are actively developed abroad, but almost completely absent in the national psychological literature. Theories of immobility cast doubt on the narrative that is familiar to psychology and other social sciences and the humanities about the sedentary nature of a person, as an initial given. Instead, a paradigm is proposed that is free from the «pre-foundness of the object» and includes equally both mobility and immobility of an individual. The dominant focus on migrants and mobility seems exaggerated for a number of reasons: the number of non-mobile people is always greater than the number of migrants; classical ideas (E. G. Ravenstein and others) about mobility contradict modern trends in a number of points, etc. Despite the declared era of multiculturalism and globalism, the availability of mobility in our time, due to bureaucratic difficulties, is much lower than in the days of E. G. Ravenstein. Analyzing the dominant narrative about mobility, social psychologists come to the conclusion that the type of mobility is determined by the social position of an individual: financially secure citizens can afford remote work abroad, citizenship in exchange for investments, and so on. While migration (especially over long distances or to economically developed countries) is not always financially affordable for members of the lower class, they more often choose refugee or illegal migration. Also, within the framework of the concept of immobility, various theoretical models are being developed, including a combination of psychological and social factors. Due to the novelty and originality of this approach, active methodological and empirical attempts are currently underway to develop new quantitative and qualitative methods for studying this issue, where the paradigm setting will be equidistance from both mobility and immobility. The study of the psychological causes and characteristics of the personality of non-migrants will allow us to go beyond the usual research track and significantly enrich the understanding of the tasks psychologists are facing.

Key words: immobility; migration; mobility; migration activity of the population; forced immobility

For citation: Mostikov S. V., Zotova O. Yu. Theoretical review of the concept of forced immobility in modern foreign literature. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2023; (6): 112-119. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2023_6_135_112. <https://elibrary.ru/NVGBMG>

Введение

Вот уже порядка 150 лет (начиная с работ Э. Г. Равенштайна) большая часть психологических исследований миграционной активности населения традиционно фокусируется на изучении причин миграции, направлении мигрантопотоков, социально-психологических характеристиках мигрантов, а также исследует вопрос аккультурации и межкультурной коммуникации представителей различных этнических групп. Подобный угол обзора кажется вроде бы логичным: «миграционные исследования – должны заниматься миграцией», но подобный угол обзора задает предназначение предмета и объекта исследования, в связи с чем утрачивается феноменологическая нейтральность и непредвзятость научно-исследовательского поиска. О важности точности формулировок предмета и объекта в процессе научно-исследовательского поиска неоднократно высказывались и многие отечественные исследователи, так В. А. Мазилев отмечает, что в «психологии проблема предмета обсуждалась постоянно» [Мазилев, 2022, с. 93].

Имеющиеся к настоящему времени классические и неклассические подходы в понимании мо-

бильности склонны описывать реальность в рамках механистической картины мира: push-pull теории, баланса сил притяжения и отталкивания, величины миграционного потенциала и т. д. При этом, словосочетания «чемоданное настроение» и «утечка мозгов» стали едва ли не научными категориями. Доминирующий классический нарратив миграционных исследований продолжает видеть миграционную активность населения в категориях конца XIX века: воспринимается, как разумеющееся, что люди будут перемещаться из мест с низким уровнем дохода в места с высоким доходом, а центрами притяжения будут крупные мегаполисы. Тем не менее в настоящее время все более широко представлены формы миграционной активности, не укладывающиеся в ожидаемое миграционное поведение:

1. Граждане экономически развитых стран все чаще выбирают миграцию в страны с меньшим уровнем дохода (например, из США в Аргентину или страны Юго-Восточной Азии): получать заработную плату из США, работая удалено, и обеспечить себе более высокое качество жизни в экономически менее богатом регионе.

2. Граждане стран третьего мира, имея хорошие шансы на успешную миграцию, предпочитают оставаться «дома» и не уезжать [Schewel, 2015].

3. Отток жителей мегаполисов в экологически более чистые пригородные районы, хотя и менее развитые в экономическом смысле.

Эти примеры являются иллюстрациями, выпадающими из классических представлений социальной психологии и мигрантологии о поведении мигрантов, что свидетельствует, на наш взгляд, о недостаточной объяснительной силе традиционных миграционных теорий и необходимости разработки новых теоретико-методологических оснований. Классический подход выносит за скобки вопросы: «почему люди не переезжают и что их заставляет оставаться на месте, если потенциально они могут больше зарабатывать и жить более счастливо в других районах или странах?». Системное и последовательное игнорирование причин и последствий немобильности препятствует более объемному подходу в понимании мобильности. Согласно мировым данным международные мигранты составляют порядка 2–4 % населения Земли [United Nations, 2015; Zlotnik, 1999]; при этом объем внутренней миграции содержит дополнительно около 12 % [Bell, Charles-Edwards, 2013].

Методы исследования

Новым и достаточно интересным подходом к изучению мобильности выступает вынужденная немобильность (*forced immobility*), которая активно разрабатывается в зарубежной психологии и мигрантологии, но, к сожалению, слабо представлена в современных российских исследованиях. В рамках этой работы мы попытаемся дать теоретический обзор основных идей и представлений данного подхода. Несмотря на распространённость этой теории в современной иностранной литературе [Collyer, 2012; Gaibazzi, 2010; Gray, 2011; Mata-Codesal, 2015; Preece, 2018], в России, к сожалению, подобные работы мало известны специалистам. В связи с тем, что в настоящее время в отечественной психологической традиции нет общепринятого перевода «immobility» на русский язык мы решили остановиться на дословном переводе «немобильность», подразумевая под этим статичность, отсутствие миграционного движения и т. д.

Результаты исследования

Фокус только на движущих силах мобильности не позволяет сосредоточиться на уравнивающих тенденциях, которые заставляют людей оставаться на месте, таким образом, невозможно объяснить, почему, несмотря на значительный разрыв в уровне и качестве жизни, мигрантопоток в экономически развитые страны остается сравнительно неизменным [Hammag, Tamas, 1997; Massey, 1999].

Дуглас Мэсси и его коллеги утверждают, что любое удовлетворительное теоретическое описание международной миграции должно содержать набор следующих основных элементов:

- характеристика и структура факторов, стимулирующих отток населения;
- характеристики и структура факторов, привлекающих население;
- специфика связей двух географических точек (социальные, культурные, экономические связи и проч.);
- мотивация и ценности людей, реагирующих на сочетание указанных элементов [Massey, 1999].

Мы полагаем, что одних этих элементов недостаточно для объяснения колебания величины мигрантопотока, следует учитывать структурные силы, которые удерживают личность как в точке исхода, так и в месте назначения, а также психологические реакции респондентов на эти элементы.

Немобильность можно рассматривать с двух позиций: как результат структурных ограничений способности мигрировать и (или) как отражение стремления остаться. Следует признать, что исследование немобильности достаточно сложно с практической и методологической точек зрения по ряду причин.

Во-первых, практически все опросы населения, переписи и прочие направлены на отслеживание поведения и намерений, а не на отсутствие желаний или невозможность их реализации (желание жить там, где живешь сейчас, воспринимается как априорное). Отсутствие измерительного аппарата немобильности (в психологии, социологии и смежных областях знания) объяснимо отчасти исследовательской новизной тематического поля. В специализированной литературе это понятие встречается лишь последние 10–15 лет; принципиально новой парадигмой – изучением «отсутствия действия» [Carling, Schewel, 2018].

Вторая фундаментальная проблема в плане изучения немобильности – это социально-экономический подход в понимании миграции,

когда (ретроспективно) изменения миграционных волн объясняются внешними обстоятельствами, а не интерпретацией этих внешних процессов в сознании индивида; доминирует экономцентристская парадигма в описании мобильности.

Третий момент – прямое отождествление мотива и деятельности (в данном случае мобильности) [Emirbayer, Mische, 1998]. Эта идея, в силу исторической преемственности, часто встречается и в отечественной традиции. Прямая редукция мотива к действию не может объяснить ряд феноменов (приведем наиболее частые):

– Почему часть мигрантов определяют свой переезд, как вынужденный (хотя они сознательно могли к нему готовиться в течение ряда лет), например, беженцы – «я не хотел уезжать, но был вынужден это сделать». В какой степени это добровольное или вынужденное (под влиянием внешних факторов) перемещение?

– Респонденты с «чемоданным настроением» на протяжении всей жизни, которые так никуда и не уезжают.

– Люди, имеющие высокие шансы на успешную аккультурацию за рубежом, имеющие желание уехать, но так и остающиеся на Родине. Ряд авторов [Gray, 2011; Hjälm, 2014; Mata-Codesal, 2018; Sheller, Urry, 2006] предлагают рассматривать отсутствие намерений и мотивов – как сознательный выбор и самоопределение, подтверждаемое на протяжении длительного времени.

Отметим, что исследование немобильности не означает отрицание, как четко сформулировали А. В. Карпов и его коллеги, важнейшего методического принципа «единства психики и деятельности, согласно которому она не только проявляется в деятельности, но и формируется в ней» [Карпов, 2023, с. 459].

Четвертый момент – следует отметить феномен «мобильности – как стиля жизни», который отмечается в зарубежных исследованиях, когда позитивный опыт первой мобильности позволяет перманентно находиться в поиске более выгодных и комфортных вариантов проживания, в литературе отмечается опыт наличия у человека 9 гражданств одновременно. Хотя, подобные прецеденты единичны, но сам факт ставит под сомнение привычные для нас критерии мобильности, немобильности, этнической и гражданской идентичности и, очевидно, требует пристального осмысления [Collyer, 2012; Hyndman, Giles, 2011; Van Hear, 2014]. Опыт немобильности применим не только к резидентам, но и к са-

мим мигрантам: почему одни остаются жить в новой стране, вторые возвращаются, а третьи продолжают перемещаться дальше [Halfacree, Rivera, 2012; Mata-Codesal, 2018]?

Э. Стокдейл и Т. Хаартсен обращают внимание на негативный оценочный контекст в психологии по отношению к немобильным – «оставшиеся позади», «застрявшие» и проч. [Stockdale, Haartsen, 2018]. Одной из причин, по которой исследование немобильности находилось на периферии социально-психологических исследований, – это преобладание оседлых, антикочевых метанарративов о природе личности и общества, предполагаемых как единственная возможность существования цивилизации и культуры [Bakewell, 2008; De Haas, 2003; Malkki, 1992; Sheller, Urry, 2006]. Это находит отражение не только в ценностных установках, ожиданиях от других людей, но и в медицинском дискурсе: если человек много путешествует – у опытного психиатра есть подходящий термин, описывающий данный симптом в картине болезни, «дромомания», а если он всю жизнь прожил в одном городе и никуда не выезжал, то этот факт вопросов не вызывает. Метанарратив оседлости прочно вошел в наше мышление и задает определенную парадигму восприятия и оценки происходящих событий.

Несмотря на декларируемые глобализм, мультикультурализм и т. д., процесс миграционного перехода в настоящее время оказывается гораздо более забюрократизирован, чем во времена Э. Г. Равенштайна. Комфортная миграция оказывается не всеобщим доступным благом, а скорее уделом представителей высшего класса. Создаваемая иллюзия открытости границ и культурного разнообразия, скорее отражает социальную структуру общества, чем реальные равные возможности. З. Бауман считает, что возможность мигрировать стала желанным и мощным фактором расслоения в современном обществе, доступность комфортной миграции является одним из индикаторов принадлежности как минимум к среднему классу [Bauman, 1998]. Другие авторы, например, Й. Карлинг, подчеркивают, что число желающих мигрировать в разы больше уезжающих, соответственно, мы имеем дело не с эпохой мобильности, а скорее с эпохой «вынужденной неподвижности» [Carling, 2002]. В числовом значении гораздо больше представлена группа «желающих уехать, но остающихся на месте». Парадоксальным образом внимание больше обращено на сравнительно малочисленную группу мигран-

тов, а более многочисленная группа «желающих, но не уезжающих» остается вне фокуса рассмотрения. Новый альтернативный метанарратив кочевничества призван уравновесить доминирующую в психологии парадигму с фокусом на мигрантах, тем самым обогатить и расширить существующие модели немобильности, что очевидно, подразумевает создание новых исследовательских инструментов и способов фиксации неподвижности и т. п. Этот вектор рассмотрения поддерживают различные ученые [Glick Schiller, Salazar, 2013; Massey, 1994; Turner, 2007]. Так, Р. Шамир подвергает переосмыслению привычное понимание глобализации не как «растворение границ», а как «процесс закрытия, захвата и сдерживания» [Shamir, 2005].

Постмодернистский метанарратив об открытом обществе, эпохе мобильности и мультикультурализме оказывается на проверку еще одним индикатором социально-психологической сегрегации, когда граждане экономически развитых стран, а также представители высшего класса менее развитых в экономическом плане государств могут позволить себе и своим детям переезд, гражданство за инвестиции, пассивный или удаленный доход и прочее, в то время как представители низшего класса и граждане стран третьего мира вынуждены подаваться на беженство или использовать нелегальную миграцию. С этих позиций немобильность может рассматриваться как вынужденная – результат экономической сегрегации и расслоения [Faist, 2013]. Так Дж. Коэн, чтобы продемонстрировать связь уровня доступности социально-экономических ресурсов и решения остаться, различает три типа домохозяйств немигрантов (маргинальные, средние и успешные); полученные им выводы вполне логичны: «маргинальные» домохозяйства не в силах обеспечить свои ежедневные расходы, не говоря уже о том, чтобы позволить себе международную миграцию [Cohen, 2002].

Подобно тому, как существует достаточно большое число форм мобильности, научному сообществу еще предстоит выделить формы и подтипы немобильности [Mata-Codesal, 2015]. Но уже сейчас предлагаются различные концептуальные подходы немобильности, например, Й. Карлинг и К. Шewel предлагают двухосевую модель, где по шкале абсцисс мы имеем континуум стремлений («остаться – уехать»), а по оси ординат – «возможность – невозможность», такой подход, на наш взгляд, интегрирует социальные и психологические факторы миграцион-

ной немобильности [Carling, Schewel, 2018]. Миграция, как предположили ученые, требует того и другого, в то время как неподвижность возникает из-за отсутствия одного из них [Carling, Schewel, 2018]. Хотя в социальной психологии эти моменты являются не новыми [Woytinsky, Woytinsky, 1953], их связь с неподвижностью прослеживается впервые.

Дополняя существующие подходы в понимании немобильности у зарубежных авторов, мы предлагаем рассматривать этот феномен как сложное и многоуровневое понятие, изучение которого может быть плодотворным в рамках разрабатываемой нами отечественной модели уровней миграционного процесса [Перелыгина, 2020]:

- микроуровень (индивидуальные психологические особенности респондентов и т. д.);
- мезоуровень (семейная система, уровни дохода, образования и прочее);
- макроуровень (социально-политические, климатические, географические факторы и прочее).

Предлагаемый нами отечественный, многоуровневый подход к рассмотрению немобильности позволяет связать личность с более широким контекстом. На уровне домохозяйства индивидуальная миграция может быть неотъемлемой частью стратегии получения средств к существованию тем, кто остался [De Haas, 2010] и не планирует переезд.

Говоря о немобильности, необходимо отметить ряд общих положений, например, отмечается корреляция с такими факторами, как: возраст, срок оседлости («привязанность к месту») и социально-психологический капитал личности. Оказывает влияние также модель «ограниченной рациональности»: из-за ограниченности знаний (недостаточный опыт кросс-культурных коммуникаций) люди склонны выбирать «достаточно хорошие» альтернативы, а не наилучшие из всех доступных.

Заключение

Тема немобильности является сравнительно новым направлением в психологии миграции не только для российской науки, но и для мировой психологии в целом. В рамках данного подхода ставится под сомнение классический метанарратив об оседлости как изначальной характеристике личности. Предлагается смещение фокуса с исследования мигрантов на тех, кто остается и никуда не уезжает. В настоящее время немобильности

бильность и доступность миграции в зарубежной литературе рассматриваются, прежде всего, как индикатор социальной стратификации как стран, так и общества. Представители высшего класса и граждане экономически развитых регионов имеют больше финансовых и технических возможностей для миграции, чем другие. В рамках отечественной психологической традиции мы предлагаем дополнить рассмотрение проблемы (не)мобильности многоуровневым подходом (микро, мезо- и макроуровень).

Библиографический список

1. Карпов А. В. Закономерности развития метакогнитивной регуляции информационной деятельности в процессе профессиональной подготовки / А. В. Карпов, Е. В. Карпова, А. В. Чемякина // Перспективы науки и образования. 2023. № 3 (63). С. 457–475.
2. Мазилев В. А. Научная психология в поисках своего предмета // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 3 (126). С. 89–104.
3. Перельгина Е. Б. Психологическая безопасность как интегральный показатель формирования этнической идентичности в межнациональном взаимодействии россиян : монография / Е. Б. Перельгина, А. И. Донцов, О. Ю. Зотова, Л. В. Тарасова, С. В. Мостиков, Е. Н. Сюткина, Н. А. Белоусова, О. С. Солодухина. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2020. 813 с.
4. Bakewell O. Keeping Them in Their Place: The Ambivalent Relationship between Development and Migration in Africa // Third World Quarterly. 2008. № 29 (7). P. 1341–1358. <https://doi.org/10.1080/01436590802386492>.
5. Bauman Z. Globalization: The Human Consequences. Cambridge : Polity Press, 1998. 136 p.
6. Bell M. Cross-National Comparisons of Internal Migration: An Update of Global Patterns and Trends: Technical Paper № 2013/1 / M. Bell, E. Charles-Edwards. New York : United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2013. 36 p.
7. Carling J. Migration in the Age of Involuntary Immobility: Theoretical Reflections and Cape Verdean Experiences // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2002. № 28 (1). P. 5–42. <https://doi.org/10.1080/13691830120103912>.
8. Carling J. Revisiting Aspiration and Ability in International Migration / J. Carling, K. Schewel // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2018. № 44 (6). P. 945–963. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1384146>.
9. Cohen J. H. Migration and «Stay at Homes» in Rural Oaxaca, Mexico: Local Expression of Global Outcomes // Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development. 2002. № 31 (2). P. 231–259.
10. Collyer M. Critical Approaches to Transit Migration / M. Collyer, F. Düvell, H. De Haas // Population, Space and Place. 2012. № 18 (4). P. 407–414. <https://doi.org/10.1002/psp.630>.
11. De Haas H. Migration and Development in Southern Morocco: The Disparate Socio-Economic Impacts of out-Migration on the Todgha Oasis Valley. Nijmegen : Radboud University, 2003. 430 p.
12. De Haas H. Migration and Development: A Theoretical Perspective // International Migration Review. 2010. № 44 (1). P. 227–264. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2009.0080>.
13. Emirbayer M. What Is Agency? / M. Emirbayer, A. Mische // American Journal of Sociology. 1998. № 103 (4). P. 962–1023. <https://doi.org/10.1086/231294>.
14. Faist T. The Mobility Turn: A New Paradigm for the Social Sciences? // Ethnic and Racial Studies. 2013. № 36 (11). P. 1637–1644. <https://doi.org/10.1080/01419870.2013.812229>.
15. Gaibazzi P. Migration, Soninke Young Men and the Dynamics of Staying Behind (The Gambia). Doctoral dissertation. University of Milano-Bicocca, Milan, 2010. 290 p.
16. Glick Schiller N. Regimes of Mobility across the Globe / N. Glick Schiller, N. B. Salazar // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2013. № 39 (2). P. 183–200. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2013.723253>.
17. Gray B. Becoming Non-Migrant: Lives Worth Waiting For // Gender, Place & Culture. 2011. № 18 (3). P. 417–432. <https://doi.org/10.1080/0966369X.2011.566403>.
18. Halfacree K. H. Moving to the Countryside... and Staying: Lives Beyond Representations / K. H. Halfacree, M. J. Rivera // Sociologia Ruralis. 2012. № 52 (1). P. 92–114. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9523.2011.00556.x>.
19. Hammar T. Why Do People Go or Stay? / T. Hammar, K. Tamas // International Migration, Immobility, and Development: Multidisciplinary Perspectives / eds. T. Hammar, G. Brochmann, K. Tamas, T. Faist. London : Routledge, 1997. P. 1–19.
20. Hjälml A. The «Stayers»: Dynamics of Lifelong Sedentary Behaviour in an Urban Context // Population, Space and Place. 2014. № 20 (6). P. 569–580. <https://doi.org/10.1002/psp.1796>.
21. Hyndman J. Waiting for What? The Feminization of Asylum in Protracted Situations / J. Hyndman, W. Giles // Gender, Place & Culture. 2011. № 18 (3). P. 361–379. <https://doi.org/10.1080/0966369X.2011.566347>.
22. International Migration Stock: The 2015 Revision / United Nations. New York : United Nations, 2015. 19 p.
23. Malkki L. National Geographic: The Rooting of Peoples and the Territorialization of National Identity among Scholars and Refugees // Cultural Anthropology. 1992. № 7 (1). P. 24–44.

24. Massey D. A Global Sense of Place // *Space, Place and Gender*. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1994. P. 146–156.
25. Massey D. S. *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium* / D. S. Massey, J. Arango, G. Hugo, A. Kouaouci, A. Pellegrino, J. E. Taylor. Oxford : Clarendon Press; Oxford University Press, 1999. 362 p.
26. Mata-Codesal D. Is It Simpler to Leave or to Stay Put? Desired Immobility in a Mexican Village // *Population, Space and Place*. 2018. № 24 (4). Article e2127. <https://doi.org/10.1002/psp.2127>.
27. Mata-Codesal D. Ways of Staying Put in Ecuador: Social and Embodied Experiences of Mobility–Immobility Interactions // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2015. № 41 (14). P. 2274–2290. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2015.1053850>.
28. Preece J. Immobility and Insecure Labour Markets: An Active Response to Precarious Employment // *Urban Studies*. 2018. № 55 (8). P. 1783–1799. <https://doi.org/10.1177/004209801773625>.
29. Schewel K. Understanding the Aspiration to Stay: A Case Study of Young Adults in Senegal: Working Paper 107. Oxford : International Migration Institute, 2015. 37 p.
30. Shamir R. Without Borders? Notes on Globalization as a Mobility Regime // *Sociological Theory*. 2005. № 23 (2). P. 197–217. <https://doi.org/10.1111/j.0735-2751.2005.00250.x>.
31. Sheller M. The New Mobilities Paradigm / M. Sheller, J. Urry // *Environment and Planning A*. 2006. № 38 (2). P. 207–226. <https://doi.org/10.1068/a37268>.
32. Stockdale A. Editorial Introduction: Putting Rural Stayers in the Spotlight / A. Stockdale, T. Haartsen // *Population, Space and Place*. 2018. № 24 (4). Article e2124. <https://doi.org/10.1002/psp.2124>.
33. Turner B. S. The Enclave Society: Towards a Sociology of Immobility // *European Journal of Social Theory*. 2007. № 10 (2). P. 287–304. <https://doi.org/10.1177/1368431007077807>.
34. Van Hear N. Reconsidering Migration and Class // *International Migration Review*. 2014. № 48 (1). P. 100–121. <https://doi.org/10.1111/imre.12139>.
35. Woytinsky W. S. *World Population and Production: Trends and Outlook* / W. S. Woytinsky, E. S. Woytinsky. New York : The Twentieth Century Fund, 1953. 1268 p.
36. Zlotnik H. Trends of International Migration since 1965: What Existing Data Reveal // *International Migration*. 1999. № 37 (1). P. 21–61. <https://doi.org/10.1111/1468-2435.00065>.
2. Mazilov V. A. Nauchnaja psihologija v poiskah svojego predmeta = Scientific psychology in search of its subject // *Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik*. 2022. № 3 (126). S. 89–104.
3. Perelygina E. B. Psihologičeskaja bezopasnost' kak integral'nyj pokazatel' formirovanija jetničeskoj identičnosti v mezhnacional'nom vzajmodejstvii rossiĵan = Psychological security as an integral indicator of the formation of ethnic identity in the interethnic interaction of Russians : monografija / E. B. Perelygina, A. I. Doncov, O. Ju. Zotova, L. V. Tarasova, S. V. Mostikov, E. N. Sjutkina, N. A. Belousova, O. S. Soloduhina. Ekaterinburg : Gumanitarnyj universitet, 2020. 813 s.
4. Bakewell O. Keeping Them in Their Place: The Ambivalent Relationship between Development and Migration in Africa // *Third World Quarterly*. 2008. № 29 (7). P. 1341–1358. <https://doi.org/10.1080/01436590802386492>.
5. Bauman Z. *Globalization: The Human Consequences*. Cambridge : Polity Press, 1998. 136 p.
6. Bell M. Cross-National Comparisons of Internal Migration: An Update of Global Patterns and Trends: Technical Paper № 2013/1 / M. Bell, E. Charles-Edwards. New York : United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2013. 36 p.
7. Carling J. Migration in the Age of Involuntary Immobility: Theoretical Reflections and Cape Verdean Experiences // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2002. № 28 (1). P. 5–42. <https://doi.org/10.1080/13691830120103912>.
8. Carling J. Revisiting Aspiration and Ability in International Migration / J. Carling, K. Schewel // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018. № 44 (6). P. 945–963. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1384146>.
9. Cohen J. H. Migration and «Stay at Homes» in Rural Oaxaca, Mexico: Local Expression of Global Outcomes // *Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development*. 2002. № 31 (2). P. 231–259.
10. Collyer M. Critical Approaches to Transit Migration / M. Collyer, F. Düvell, H. De Haas // *Population, Space and Place*. 2012. № 18 (4). P. 407–414. <https://doi.org/10.1002/psp.630>.
11. De Haas H. Migration and Development in Southern Morocco: The Disparate Socio-Economic Impacts of out-Migration on the Todgha Oasis Valley. Nijmegen : Radboud University, 2003. 430 p.
12. De Haas H. Migration and Development: A Theoretical Perspective // *International Migration Review*. 2010. № 44 (1). P. 227–264. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2009.0080>.
13. Emirbayer M. What Is Agency? / M. Emirbayer, A. Mische // *American Journal of Sociology*. 1998. № 103 (4). P. 962–1023. <https://doi.org/10.1086/231294>.
14. Faist T. The Mobility Turn: A New Paradigm for the Social Sciences? // *Ethnic and Racial Studies*. 2013. № 36 (11). P. 1637–1644. <https://doi.org/10.1080/01419870.2013.812229>.

Reference list

1. Karpov A. V. Zakonomernosti razvitija metakognitivnoj reguljacii informacionnoj dejatel'nosti v processe professional'noj podgotovki = Patterns of development of metacognitive regulation of information activities in the process of professional training / A. V. Karpov, E. V. Karpova, A. V. Chemjakina // *Perspektivy nauki i obrazovanija*. 2023. № 3 (63). S. 457–475.

15. Gaibazzi P. Migration, Soninke Young Men and the Dynamics of Staying Behind (The Gambia). Doctoral dissertation. University of Milano-Bicocca, Milan, 2010. 290 p.
16. Glick Schiller N. Regimes of Mobility across the Globe / N. Glick Schiller, N. B. Salazar // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2013. № 39 (2). P. 183–200. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2013.723253>.
17. Gray B. Becoming Non-Migrant: Lives Worth Waiting For // *Gender, Place & Culture*. 2011. № 18 (3). P. 417–432. <https://doi.org/10.1080/0966369X.2011.566403>.
18. Halfacree K. H. Moving to the Countryside... and Staying: Lives Beyond Representations / K. H. Halfacree, M. J. Rivera // *Sociologia Ruralis*. 2012. № 52 (1). P. 92–114. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9523.2011.00556.x>.
19. Hammar T. Why Do People Go or Stay? / T. Hammar, K. Tamas // *International Migration, Immobility, and Development: Multidisciplinary Perspectives* / eds. T. Hammar, G. Brochmann, K. Tamas, T. Faist. London : Routledge, 1997. P. 1–19.
20. Hjälms A. The «Stayers»: Dynamics of Lifelong Sedentary Behaviour in an Urban Context // *Population, Space and Place*. 2014. № 20 (6). P. 569–580. <https://doi.org/10.1002/psp.1796>.
21. Hyndman J. Waiting for What? The Feminization of Asylum in Protracted Situations / J. Hyndman, W. Giles // *Gender, Place & Culture*. 2011. № 18 (3). P. 361–379. <https://doi.org/10.1080/0966369X.2011.566347>.
22. International Migration Stock: The 2015 Revision / United Nations. New York : United Nations, 2015. 19 p.
23. Malkki L. National Geographic: The Rooting of Peoples and the Territorialization of National Identity among Scholars and Refugees // *Cultural Anthropology*. 1992. № 7 (1). P. 24–44.
24. Massey D. A Global Sense of Place // *Space, Place and Gender*. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1994. P. 146–156.
25. Massey D. S. Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium / D. S. Massey, J. Arango, G. Hugo, A. Kouaouci, A. Pellegrino, J. E. Taylor. Oxford : Clarendon Press; Oxford University Press, 1999. 362 p.
26. Mata-Codesal D. Is It Simpler to Leave or to Stay Put? Desired Immobility in a Mexican Village // *Population, Space and Place*. 2018. № 24 (4). Article e2127. <https://doi.org/10.1002/psp.2127>.
27. Mata-Codesal D. Ways of Staying Put in Ecuador: Social and Embodied Experiences of Mobility–Immobility Interactions // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2015. № 41 (14). P. 2274–2290. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2015.1053850>.
28. Preece J. Immobility and Insecure Labour Markets: An Active Response to Precarious Employment // *Urban Studies*. 2018. № 55 (8). P. 1783–1799. <https://doi.org/10.1177/004209801773625>.
29. Schewel K. Understanding the Aspiration to Stay: A Case Study of Young Adults in Senegal: Working Paper 107. Oxford : International Migration Institute, 2015. 37 p.
30. Shamir R. Without Borders? Notes on Globalization as a Mobility Regime // *Sociological Theory*. 2005. № 23 (2). P. 197–217. <https://doi.org/10.1111/j.0735-2751.2005.00250.x>.
31. Sheller M. The New Mobilities Paradigm / M. Sheller, J. Urry // *Environment and Planning A*. 2006. № 38 (2). P. 207–226. <https://doi.org/10.1068/a37268>.
32. Stockdale A. Editorial Introduction: Putting Rural Stayers in the Spotlight / A. Stockdale, T. Haartsen // *Population, Space and Place*. 2018. № 24 (4). Article e2124. <https://doi.org/10.1002/psp.2124>.
33. Turner B. S. The Enclave Society: Towards a Sociology of Immobility // *European Journal of Social Theory*. 2007. № 10 (2). P. 287–304. <https://doi.org/10.1177/1368431007077807>.
34. Van Hear N. Reconsidering Migration and Class // *International Migration Review*. 2014. № 48 (1). P. 100–121. <https://doi.org/10.1111/imre.12139>.
35. Woytinsky W. S. World Population and Production: Trends and Outlook / W. S. Woytinsky, E. S. Woytinsky. New York : The Twentieth Century Fund, 1953. 1268 p.
36. Zlotnik H. Trends of International Migration since 1965: What Existing Data Reveal // *International Migration*. 1999. № 37 (1). P. 21–61. <https://doi.org/10.1111/1468-2435.00065>.

Статья поступила в редакцию 29.09.2023; одобрена после рецензирования 19.10.2023; принята к публикации 22.11.2023.

The article was submitted 29.09.2023; approved after reviewing 19.10.2023; accepted for publication 22.11.2023.